

Мы танцевали в полумраке большого зала где гремела музыка, мигали синие огни, а колонны, отделанные искусственным мрамором, казалось специально поставлены, чтобы разгоряченный очередной заводной музыкой, ты мог прислониться спиной, и глотнуть «кусочек воды», как называли здесь стаканы с прохладительными и даже горячительными напитками. Конечно же маскарада никакого не получилось, устроители просто выпендриться хотели, и все же на две девушки просто и без затей прыгающих в лазерных отсветах, встречалась одна, с глазами загадочно прикрытыми полумаской. Обычно фигуры таких девушек казались куда собразнительнее, и отбою от желающих потанцевать у них не было. Поэтому я так обрадовался, когда в полутьме разглядел такую, переводящую дух возле колонны.

Маска на ней была большая, скрывающая всю верхнюю часть лица а темный брючный костюм очень шел к ее рыжеватым волосам. В руке она держала наполовину пустой стакан с «Кока-колой», но оглядывалась так, словно ей не по себе от духоты и мигания ламп.

Мы с большим удовольствием оттанцевали две быстрые мелодии, после чего закружились в медляке, причем ее тело казалось ощутимым через два слоя одежды. Танец закончился, и девушка мягко отстранилась.

- Я пойду, - улыбнулись ее губы и глаза в прорезях маски. Я удержал руку.

- Может еще?

- Извини. Ты хорошо танцуешь, но мне: - наверное в глазах у меня промелькнуло такое сожаление, что она вдруг сжала мне руку и сказала: - хорошо, но только один танец.

Но мы станцевали не один. После каждого следующего, я чувствовал, она хочет что-то сказать, но каждый раз вглядывалась мне в глаза и ничего не говорила. Наконец она прошептала:

- Очень устала. Не могу больше. - поскольку мы как раз кружились по залу почти обнявшись, я стиснул ее чуть покрепче, и повел к колонне.

- Хочешь выпить?

- Ой нет, нет: - я вдруг вспомнил, как только что напряглось ее тело во время этого неожиданного объятия, и внимательнее пригляделся к тому, как она идет. Спину она несла очень прямо, но шаги делала пожалуй мельче, чем это позволяли ее длинные красивые ноги.

- Слушай, - спросил я, когда мы прислонились спинами к прохладному мрамору, и без всякой цели рассматривали колышущуюся в такт музыке толпу: - а ты чего такая стеснительная?

Белый прожектор отбрасывал на нас яркий круг, и я увидел, как скулы и щеки ее видные из под маски стали стремительно наливать пунцовым румянцем. Я угадал! И она поняла, я знаю, что угадал.

- Да, стеснительная, - через силу улыбнулась она: - скорее сдохну, чем прямо скажу, что хочу в туалет. И я, кажется, скоро сдохну! - словно позволив своему телу этими словами большую откровенность, она слегка свела колени и наклонилась вперед, приоткрыв рот. Зрелище получилось удивительно красивым и беззащитным.

- Ну так беги, - улыбнулся я. Хоть мне и очень хотелось побольше любоваться девушкой, которой стыдно и очень хочется, но уж очень попалась симпатичная. Она взглянула на меня с

обидой и укоризной, потом перевела взгляд на длинную очередь, змеившуюся по вестибюлю. Она вела в женский туалет, только в женский, и стояли в очереди, соответственно девчонки. В масках и без. Разгоряченные спиртным, и ясноглазые любительницы безалкогольных напитков. Но все они хотели одного. То одна, то другая нетерпеливо переступали с ноги на ногу, тоскливо вновь и вновь пересчитывая сколько подруг по несчастью остались впереди. Кто-то как бы невзначай поправлял ремень джинсов, или резинку трусиков, стремясь ослабить давление одежды на переполненный мочевого пузырь. А те, что посмелее или компанией подружек, те хохоча, и без особого стеснения, зажимали себе ладонями низ живота, или прыгали на одной ножке, или, поставив ноги накрест стискивали кулачки.

- Я слишком долго с тобой танцевала, - не глядя мне в глаза, сказала моя партнерша: - и я теперь эту очередь не вытерплю, опишусь на полдороге. Я уже полная до краешка.

Она говорила спокойно, чуть хрипловатым голосом, и я почувствовал, как у меня встает. Скромная и красивая она была сейчас в отчаянии, она сама себя загнала в ловушку, танцую со мной один танец за другим, и тому, что она сейчас терпела виной был я сам. Не даром же в английском слово "отчаяние" одновременно означает и "безнадегу" и нестерпимое желание. Девочка нестерпимо хотела, и надежды у нее не оставалось.

- Вот когда я жалею, что женщина, - призналась она почти неслышно, разглядывая очередь в женский туалет, рядом со свободным входом в мужской: - вот когда обидно-то:

- Пойдем танцевать, - предложил я. В ответном взгляде отразилась боль. Не душевная какая-нибудь боль, а вполне конкретная - внизу живота, в сведенных коленках.

- Там наверху, на третьем, - пояснил я, указывая на мраморную лестницу с другой стороны зала: - я видел еще один туалет. Уж не знаю работает ли, но написано - платный, там наверное народу не так много. И там нет мужского и женского. Просто пара кабинок.

- Где-е? - почти пропела она, мелко притоптывая каблучками. Мне показалось, что она сейчас заплачет, чтобы хоть так снизить количество жидкости, разрывающей изнутри ее красивое тело.

- Я покажу, - пообещал я: - но только давай еще разочек. Я хочу потанцевать, зная, что ты хочешь:

Она прижалась ко мне, и я почувствовал, что она дрожит. Заиграла медленная музыка, и мы, медленно кружась пошли между такими же вальсирующими парами в сторону мраморной лестницы. Шары из зеркальных осколков отбрасывали блики на все вокруг.

- Хочу, - шептала она мне на ухо, словно чтобы скорее выисполнить мое тайное желание: - я так хочу-у: Хоть бы не споткнуться, господи!

- А что тогда? - с улыбкой задал я провокационный вопрос.

- Тогда, - слабо улыбнулась и она: - здесь будет очень-очень мокро: Господи, только бы не при всех:

Это была одна из тех тягучих романтических баллад, которые звучат и звучат, то затихая, то снова возобновляя кружение танцующих по залу. Мы уже пару раз миновали заветную для моей партнерши лестницу, и она голодным взглядом поглядывала наверх. Внезапно она покачнулась и остановилась, так, что я едва не налетел на нее.

- Все, - сказала она твердо, и без прежней улыбки: - пойдем. Я уже совсем сдохла. Могу не добежать:

Честно говоря меня задела перемена в ее голосе. До сих пор все, что говорилось между нами было игрой: пусть на грани флага, но обоюдное удовольствие все же явно подразумевалось.

Теперь она словно говорила, что шутки кончились, что ничего эротического в ее переживании нет, а удовольствие, которое мне доставляет ее «отчаяние»; это чуть ли не возмутительная наглость. Может быть поэтому я и не убрал рук с ее талии.

- Танец не закончился, - напомнил я, по возможности шутливым голосом.

- Зато я закончилась, - голос ее оставался сухим, как бы с избытком компенсируя все мысли о мокром, в том числе и о возможности для нее оказаться посреди полного зала народу в мокрых штанах: - Давай, быстро ищем твой третий этаж.

Я осторожно, кончиками пальцев, тронул ее живот, чуть выше ремня. Тугой и горячий, он выпирал, как хорошо надутый резиновый мячик. Девочке и впрямь было невтерпех. От моего прикосновения она дернулась, как будто я ее ударил кулаком, и пару раз глубоко вздохнула, пытаясь восстановить контроль над своим телом.

- Никогда. Больше. Так. Не делай. - раздельно проговорила она, и прорезях маски впервые проблеснула злоба.

- Бедная, - шепнул я, стараясь, чтобы сочувствие звучало пообиднее: - как же тебе трудно. Ну хорошо, танцевать не будем, просто так постоим до конца мелодии.

- Не доводи меня, - она скрипнула зубками, когда мои ладони бережно легли ей на талию, и придвинули ко мне: - Я тебя предупредила. Не доводи!

- Ой, до чего мы злые, - ласково прошептал я ей на ушко, почти скрытое рыжеватым локоном: - это и понятно, девочки всегда злятся, когда очень хотят, но не могут:

У меня сначала перехватило дыхание, и я почувствовал, что не могу продолжать говорить, и только потом я сообразил, что этому причиной. Опершись руками о мои, моя бедная партнерша резко согнула свое колено, вдвинув его мне в пах. Не очень сильно приложила, примерно для минутной отключки. Я не упал, но стал гнуться вперед и вниз, с застрявшей на губах улыбкой, и не сводя глаз с той, которая так жестоко ответила на мою далеко зашедшую шутку. Она тоже нашла в себе силы улыбнуться:

- Извини, я тебя предупреждала. Все по справедливости. Теперь ты немножко пожалеешь о том, что мужчина, и тоже прямо при всех. А мне пора, честное слово. Не злись:

Медленно затихала музыка, замедлялся бег зеркальных бликов по стенам. Вверх по лестнице быстрой нервной походкой убегала моя девушка. А я стоял посреди только что оттанцевавших парочек, жалко согнувшись, и обеими руками, обхватив немилосердно ушибленные яйца.

- Хорошо потанцевал? А не лапай! - спросила и сама себе наставительно ответила какая-то блондинка, проходя мимо. Ее подружки поглядели на меня, и дружно расхохотались.

Через положенную для того, чтобы прийти в себя минуту, я уже был наверху. Болело по прежнему сильно, но я уже мог идти быстрым шагом, через каждые десять шагов по возможности незаметно потирая застежку брюк. Конечно, будь я здесь один, лежал бы на полу и скулил, но сейчас у меня были дела поважнее. Я бы наверное уже кончил от обиды, прямо в трусы, если бы не одна надежда. Женщина в отчаянии может быстро взбежать по лестнице, но затем ей придется остановиться, и, скрестив ноги, постоять неподвижно, чтобы успокоить мочевой пузырь. Сколько на это потребуется времени моей жестокой скромнице, я не знал, и молил судьбу, чтобы подольше. Уж тогда я с ней рассчитаюсь.

Но на верхней площадке я никого не увидел, только знакомая дверь с изображениями мужской и женской фигуры была приоткрыта. Я вбежал в кафельный предбанник, с ходу бросился к двум дверцам в его дальней стене, и рванул сперва одну, потом другую ручку. Обе оказались заперты, и за одной из кабинок с ревом лилась вода. Можно было бы представить,

что там избавляется от пяти литров воды истомившийся лось, или вернее лосиха, однако было ясно, что шумит вода в бачке, только что спущенном, и поэтому на долю моего уязвленного самолюбия не достанется ни торопливого шума срываемой одежды, ни сладостных стонов, сравнимых с теми, что сопровождают самый бурный оргазм, ни даже журчания струйки, по которому легко судить, насколько трудно было терпеть бедняге, или бедняжке, добравшейся до заветной кабинки. Я очевидно опоздал. Моя обидчица ничего уже не хотела, во всяком случае не до потери самоконтроля. И теперь, когда мы посмотрим друг другу в глаза, она пройдет мимо насмешливо и безразлично. Женщины навсегда проникаются уважением и даже любовью к тому, кто сумел их унижить, и отказывают даже в сочувствии тому, кто по мягкости характера, или как я - по невезению, не сделал с ними того, чего хотел.

Чуть слышно застонав от обиды, я еще раз сильно погладил себя между ног, зажал в ладони все еще ноющие принадлежности, и слегка согнувшись, обернулся.

На меня, с интересом глядела совсем еще молодая девчонка в белой блузке, сидящая за столиком с табличкой "Контроль, Входная плата". Перед ней на столе стояла коробка с монетами и лежала раскрытой какая-то книга в яркой обложке. Она явно подрабатывала здесь.

- Чего, совсем не можешь? - с той же самой жалостью, которую я сам так самонадеянно проявлял всего пять минут назад спросила она: - Ну ты терпи, терпи. И кстати заплатить неплохо бы.

Месть судьбы была всеобъемлющей и очевидной. Я распрямился, и, стараясь ступать независимой походкой, подошел к ее столику. Девчонка оказалась миловидная, волосы у нее были высветлены перекисью, а за вырезом блузки угадывалась молоденькая, но совсем не маленькая грудь.

- Да не так уж срочно, - постарался улыбнуться я, чувствуя, что сам слегка краснею: - я просто с приятелем разминуся. Он наверное уже там: - я кивнул на дверцу кабинки. Девчонка поглядела лукаво:

- Да уж я вижу, как не срочно. Лицо у тебя такое, как будто по письке получил. Может, - она подмигнула, стерва молоденькая, - ты слишком быстро бежал за приятелем? Упал, ударился, правда?